

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ  
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

# АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

Ответственный редактор  
А. М. ГРАЧЁВА



САНКТ-ПЕТЕРБУРГ  
1994

Рецензенты Л. Н. КЕН, С. Ю. ЯСЕНСКИЙ

ISBN 5-86007-024-1

© Институт русской литературы (Пушкинский  
Дом) Российской Академии наук, 1994  
© Издательство «Дмитрий Буланин», 1994

**«СЛОВО О ПОГИБЕЛИ ЗЕМЛИ РУССКОЙ»  
А. М. РЕМИЗОВА В ГАЗЕТЕ «ВОЛЯ НАРОДА»**

В газете «Воля Народа» (она же: «Воля», «Воля Страны», «Воля Земли», «Воля Вольная», «Воля Свободная», «Народная») время от времени печатались отрывки из «Дневника» М. М. Пришвина. 27 января 1918 г. был опубликован фрагмент под названием «Россия не погибнет», датированный 25-м января. Приведем частично его начало.

«Когда я стучусь к соседу Ремизову и прислуга через дверь спрашивает — „Кто там?“ — я говорю свой пароль по-киргизски:  
— Хабар бар?

Значит: есть новости?

— Бар! — отвечает Настя. Есть!

И слышу через дверь, как она громким шепотом говорит Ремизову:

— Грач пришел!

Она... проста... очень белая, ходит всегда в белом платочке и родом из Белоруссии.

Раз я спросил ее о новостях, и она мне ответила:

— Есть новости, только худые: Россия погибла.

— Неправда, Настя... пока с нами Лев Толстой, Пушкин и Достоевский, Россия не погибнет! (...)

Как-то на улице против нашего дома обрезали очередь: нехватило хлеба. Очередь превратилась в митинг, один оратор говорил народу, что Россия погибла и будет германской колонией.

— Не верьте... — закричала Настя, — пока с нами Лев Толстой, Пушкин и Достоевский, — Россия не погибнет!»

В окончательной редакции эта запись со словами «Россия погибает!» и «Россия не погибнет!» вошла в основной состав «Дневника» Пришвина, датированная 30-м декабря 1917 г.<sup>1</sup> Об этом эпизоде вспомнил Ремизов и в собственной обработке вставил во «Взвихренную Русь»: «Еще при Керенском, когда одни стали „углублять революцию“, а другие каркать, что с революцией „Россия погибнет“, Гусев как-то сказал Насте, что если она такое услышит, то пусть всем говорит, что не погибнет Россия, потому что есть Пушкин, Лев Толстой и Достоевский...»<sup>2</sup>

Случай, описанный друзьями, запал в память обоих, поскольку касался одной из болевых точек российской жизни и русской литературы 1917—1918 гг. Тема гибели России для живших и для писавших была сквозная, тема ее спасения — главенствующая. Что касается Ремизова, то именно он и именно в «Воле Народа» впервые опубликовал одно из сильнейших в русской литературе произведений на тему гибели-спасения — «Слово о погибели земли русской».<sup>3</sup>

Попутно заметим, что более первой известна вторая редакция — «Слово о погибели русской земли» — опубликованная во втором сборнике «Скифы» (декабрь 1917 года; на титульном листе: 1918). Между двумя редакциями существуют различия — их не менее пятидесяти. Наиболее существенные особенности первой редакции — это подчеркнутая стилизация языка (начиная от заглавия: «Слово о погибели земли русской» — и на протяжении всего повествования развернуто последовательное употребление инверсии, которая воссоздает стиль торжественно-архаизированного лада русской речи (родина моя — вера народная — гик обезьяний — брат мой безумный — иго иноверное — песни неизбывные и т. п.); это и сугубое сосредоточение на теме конца (гибели) православной веры в русском народе за годы войны и революций как причине и начале гибели всей земли и, наконец, указание на другую явную причину гибели — на действия политиков, «новых каинов»: «нет им дела до тебя».

Удивительна почти неисчерпаемая художественно-смысловая многомерность «Слова». Она проступает явно при рассмотрении памятника внутри нескольких контекстов. В первую очередь — это творчество Ремизова 1917—18 годов. Писатель как бы задался целью создать многоголосый полилог, в котором зазвучали все возможные голоса «за» и «против» революции. 1 августа, 25 сентября и 16 октября 1917 года в журнале «Народоправство» на манер «Временника» дьяка Ивана Тимофеева (XVII век) Ремизов печатает начало собственной «летописной повести» под названием «Всеобщее восстание» (при формировании «Взвихренной Руси» этот «временник» образует ее первые девять глав). В записке 1923 г. «Алексей Ремизов о себе» автор так характеризует круг вопросов этого летописания: его тема — «великая русская революция 1917 года»; проблематика — «революция как пробуждение человека в жестоком дне жизни, революция, как семенной весенний вихрь, революция, как суд человека над человеком, революция, как пожелание человека человеку». Клич революции, как его услышал Ремизов, — «переделать жизнь по-новому!» Задача революции — мировая, общечеловеческая, ибо «никогда, кажется, так ярко не горела мечта человека о свободном человеческом царстве на земле, как в России в эти годы. А красна революция не судом. Красна революция озарением (пафосом) и пожеланиями...»<sup>4</sup> Автор «временника» ищет ответа на скорбный вопрос всех «простых душ»: «почему земля

изрыта и нет дома без потери и столько несчастных... осталось доживать свой век?»<sup>5</sup> Но тут же ему приходит мысль о революции как о «звездном» времени человечества. Он воспринимает революцию, как столкновение человека с могучей стихией, схожей с грозой, землетрясением, пожаром, весной, зачатием. Но он же понимает, что разрушения революции способны на нет свести строительные усилия многих веков российской государственности, что революция совершается людьми и окажется беспредельна и бесплодна, если не разрешит сегодня, сейчас жизненных вопросов о войне, о хлебе, о земле, о совести. Ремизов видит наивность рассуждений о принятии или непринятии революции, как наивен разговор об отношении к грозе или пожару. Но человеку свойственно даже и в «медовый месяц» революции-стихии заявить о «своем праве быть человеком».<sup>6</sup> И необходимо оставаться им.

В полемике с противниками «Слова о погибели» как бы для укрепления его основных идей на страницах «Воли Народа» Ремизов печатает «Заповедное слово русскому народу» (12 апреля 1918) и «Письмо запечатленное: Судьба Петрова» (28 апреля 1918). «Заповедное слово» повторяет мотив гибели России от потери веры и мотив воскресения через покаяние. И в этом новом «Слове» Ремизов добивается единства проповеди, моления, плача и пророчества: «Горе тебе, русский народ! Ты расточил богатства веков... предки твои умели собрать многоязычную землю воедино. Велика была вера. Верую... собирали... русскую землю... Смирись и кайся... И покаявшись, раскаленная, станешь ты, Русь, новая, Русь, грядущая...»

Критики «Слова о погибели» не заметили страсти Ремизова к собиранию Руси. Даже объявили писателя отрицателем будущего России. Вот почему в «Письме запечатленном» Ремизов вновь обратился к конструктивной теме «Слова о погибели» — теме деяний Петра, града Петрова, спасителей терпеливой и безмолвной родины от смуты и шатания. (Через девять лет тема Петра воскреснет в «Красном звоне» — главе «Взвихренной Руси», а в 1925 г. о ней вспомнит Бунин в одном из лучших своих стихотворений «День памяти Петра»:

И все ж придет, придет пора  
И воскресенья и деанья,  
Прозрения и покаянья.  
Россия! Помни же Петра...)

Не исключено, что оба «продолжения» «Слова о погибели» написаны Ремизовым в споре с «партией» Р. В. Иванова-Разумника. Ремизов искал опоры, защиты от «метелей» революции в устоях веры и государственности, хотя и ставил высоко пафос революции. Иванов-Разумник восставал против устоев: для него «испекающий» дух революции и есть дух «созидающий».<sup>7</sup> Блок, со слов Ремизова, «слышит музыку во всей этой метели» и решает «идти против себя», только чтобы быть с народом, избравшим путь революции.<sup>8</sup> Крушение устоев вызывало в

Ремизове и Блоке противоположные реакции. Для Блока значение его в том, что в нем воплотилось «возмездие» старому миру. По Ремизову, возмездием жить нельзя: «Слово о погибели» — это благодарное «прощальное слово о Московской Руси»<sup>9</sup> и о граде Петровом: здесь выросли корни национального самосознания, уничтожив которые погубишь и самую Русь, Россию.

Желание понять «Слово о погибели» через окружающие его контексты делает необходимым описание отношений «Слова» Ремизова с источниками литературы русской древности, где развивались идеи защиты отечества от врагов, собирания Руси и отстаивания единства России, опоры на веру каждого русича и на веками сложившуюся государственность — идеи древнерусских «молений», «житий», «повестей», «слов», в том числе и «Слова о погибели русской земли», у которого Ремизов позаимствовал название.

Отдельная и особая тема — тема апокалипсиса. Тематами конца и воскресения Руси, российской государственности, русской культуры пронизаны «письма» и дневники В. Г. Короленко, «Гибель», «S. O. S.» и другие статьи Л. Н. Андреева, «Окаянные дни» И. А. Бунина, «Несвоевременные мысли» М. Горького, дневники и статьи М. М. Пришвина, «Апокалипсис нашего времени» В. В. Розанова, стихи А. А. Ахматовой, стихи и «петербургские дневники» З. Н. Гиппиус, стихи и поэмы М. А. Волошина. Из друзей-врагов Ремизова на эту тему писали Р. В. Иванов-Разумник, А. А. Блок, Н. А. Клюев, С. А. Есенин. Круг имен велик; усилиями современных исследователей его объем становится все более и более широким и полным. Для большинства участников этого грандиозного многоголосья конец России — катастрофа мирового масштаба, вера в ее воскресение, весть о нем — откровение о спасении мира.

Менее, чем этот контекстуальный ряд «апокалипсических» произведений, нашим современникам известен еще один, «порождающий», контекст — газета «Воля Народа», куда Ремизов отдал свое «Слово о погибели». Одна из наиболее содержательных газет 17—18-го гг. «Воля Народа» была органом правозэсеровского движения; в похвалу ей можно говорить о большем, чем у других газет, желании объективности и правдивости в освещении фактов и выработке критериев их оценки, о ее профессиональной щепетильности. «Волю Народа» редактировали известные идеологи партии А. А. Аргунов (предположительно, один из авторов передовых статей), А. И. Гукровский, В. С. Миролюбов, П. А. Сорокин, Е. А. Сталинский. Здесь же печатались видные деятели партии и революционного движения Е. К. Брешко-Брешковская, П. А. Кропоткин, Н. Д. Авксентьев; популярные публицисты (среди них В. Л. Бурцев, Ф. А. Степун, М. М. Энгельгард); беллетристы (в их числе Б. В. Савинков, М. М. Пришвин, близкие к нему А. М. Ремизов, И. С. Соколов-Микитов, В. Я. Шишков, сим-

волисты К. Д. Бальмонт, А. Белый, А. А. Блок, В. И. Иванов, акмеисты А. А. Ахматова, Н. С. Гумилев, О. Э. Мандельштам, многие другие, — все, для кого было предпочтительно или возможно сотрудничество в органе печати, избегавшем беспринципной тенденциозности. Писателей различных литературных школ содиняли в газете темы судеб земли и народа в годину роковых испытаний.

С 29 апреля по 25 октября 1917 года «Воля Народа» печаталась регулярно, затем в связи с преследованиями большевиков ее начало лихорадить, она выходила с пробелами и под другими названиями; в 1918 г. — с января по 19 мая с перерывами, с апреля став еженедельником. Газета выражала позицию умеренных революционных сил России, боролась за осуществление революционно-демократической программы: за власть республиканского парламента (Учредительного Собрания), реализацию широких политических свобод, социализацию земли и др. За редким исключением, к которому принадлежали и Ремизов с Пришвиным, сотрудники газеты верили в благо революции и боролись за ее успешное осуществление; они сделали газету органом протеста со злоупотреблениями, сводившими усилия сторонников демократической революции на нет и, наконец, к большинству из них в канун и после Октябрьского переворота пришло трудное знание механизма действия любой революции, прозрение пагубы русской революции, тяжелой судьбы России как следствия революции. Материалы газеты, как правило, аналитичны, эмоционально заразительны, лишены духа партийной и политической демагогии, направлены на судьбу России, народа; они объясняют внутренний смысл разного рода общественно и государственно значимых событий, политических акций.

Передовая статья в первом номере газеты, озаглавленная «Решающий момент», формулировала положения политической программы, во-первых, как положения антиленинские, во-вторых, как единственно необходимые для спасения страны от гибели: «Социалисты должны взять на себя судьбу России: спасти страну от внутренней разрухи и позорного поражения...» Центральные темы передовых статей — угроза гибели России от дезорганизации на всех уровнях ее жизни и ее спасения от поощряемой большевиками анархии путем единства действий революционной власти и революционного народа. Приведем несколько характерных примеров: «Россия идет к анархии, к разложению и гибели», — утверждает Леонид Андреев. «Перед лицом опасности отечества» силы «способно организовать — Учредительное Собрание» (2 мая. Рабы или граждане?); «Временное правительство должно осилить анархию» (5 мая. Революционное правительство); «Анархия разгулялась. Побольше воли и энергии в борьбе с эксцессами!» (6 мая. Оптимисты и пессимисты); «Единство действий власти, революционных сил — залог успеха» (7 мая. Программа Временного Правительства);

«„Россия в опасности, Россия на краю гибели“». Страшные, трагические слова, от них веет почти отчаянием, они должны, они не могут не пробудить нового порыва самоотверженной работы в сердце каждого революционера... Дезорганизация. Разруха в транспорте, в народном хозяйстве, в финансах, на фронте... „Нам грозит катастрофа, великая национальная катастрофа, быть может, еще небывалая в истории“» (17 мая. О чувстве ответственности; по поводу выступления министра продовольствия А. В. Пешехонова).

Газета боролась с противниками справа и слева. В статье «Могильщикам социализма» (20 мая) она отвергла охранительное утверждение Обывателя (В. В. Розанова) об исчерпанности и начале конца русского социализма (Новое Время. 19 мая. Социализм в теории и в натуре). «Воля Народа» отстаивала идеи социализма, веровала в возможность их осуществления на деле. В полемике с Розановым, ограничивавшим историческое значение «теоретического» социализма функцией орудия мести, автор передовой статьи писал о рождении практического социализма в горниле 1917 года и о его действенной роли в будущем человечества.

В полемике с политическими соперниками и «врагами» — большевиками «Воля Народа» перечисляла их грехи в развязывании братоубийственных побоищ, в тюремных истязаниях инакомыслящих, в намеренном расстройстве армии, транспорта, продовольствия, финансов: в «сознательной деятельности с целью погубить страну» (26 мая. Политика самоопределения).

Таким образом, передовые статьи «Воли Народа» анализировали факты распада революционного порядка, властных структур, факты умышленной дезорганизации жизни страны борющимися за абсолютную власть большевиками и рассматривала их действия как реальную угрозу национальной самостоятельности, как симптомы хозяйственной, государственной и политической катастрофы и гибели.

С конца апреля до конца октября газета вела упорную борьбу за Россию, что означало: успешное окончание войны, широкие демократические преобразования политического устройства, экономической, государственной и общественной структуры. Душой газеты был один из ее редакторов, двадцативосьмилетний ученый, юрист и социолог («крупнейший социолог нашего столетия»<sup>10</sup>), активный деятель правозащитного движения Питирим Александрович Сорокин. Хотя в газете было немало сильных сотрудников, Сорокин играл в ней едва ли не главную роль, влияя на формирование позиции почти ежедневными своими статьями, особенно прославившимися в рубрике «Заметки социолога». Один из биографов Сорокина писал о его сочинениях, что они соединяют в себе «мудрость ученого, талант художника и доброе сердце хорошего человека».<sup>11</sup> Сорокин задавал тон и направление мысли газеты, умело выводил ее из плоскости политики одного дня на просторы философии и



социологии истории, поднимал на уровень нравственных проблем века и веков.

В первом номере «Воли Народа» Сорокин напечатал статью «Пути к миру». Она содержала программу политики правых эсеров в отношении ближайших шагов России: война до победы; мир во что бы то ни стало, вплоть до такой невероятной меры, как его установление путем пожара всемирной революции; соединение усилий демократических партий воюющих стран с целью достичь мирных соглашений и созыва мирного конгресса — ряд трудновоплотимых, как оказалось, утопий. В том же русле две другие статьи — о том, как Временному правительству и Учредительному Собранию осуществить «народную волю» к миру и созиданию (Л. Штернберг) и как в целях мира восстановить Интернационал (Е. Сталинский). Весь номер газеты направлен на определение строительных задач революции. Но уже со второго номера начался трудный разговор о том, что революция «На распутии» (так назвал свои «заметки социолога» Сорокин): государство разваливается под давлением насилия, анархии; личность желает быть свободной без уважения прав остальных на свободу самоопределения (30 апр.); в народе — «гипертрофия сознания своих прав и атрофия сознания своих обязанностей»: «Если... возникнет чувство личной ответственности каждого... Россия спасена, если нет — ее судьбы подвергаются опасности...» (2 мая. Обязанности власти и обязанности гражданина).

Взглянув хотя бы на заголовки последующих статей и обратившись к содержанию некоторых, без труда увидишь, как час от часу, день ото дня положение демократической революции становилось все более и более трудным, как она все более и более заходила в тупик, не будучи в состоянии выполнить собственные задачи. 3 мая: Кризис власти (Ал. Гуковский), 4 мая: Запаздывание (П. Сорокин) — органы власти — Временное правительство, советы, демократические учреждения плетутся в хвосте событий, тогда как их нужно предупреждать и организовывать. Ряд статей конкретного содержания обсуждают просчеты в национальной политике, в отношении к войне, к единству государства, к многочисленным разрушениям, обессиливающим страну, нуждающуюся в строительстве.

14 мая впервые после слов о распутии страны и кризисе власти появляется слово «гибель»: анархистские действия «обессиливают республику... кладут пятно на русскую революцию, ведут к крушению и гибели» (Ал. Гуковский). Май-июнь — газета пытается спасти революцию, пробуя соединить для этого усилия революционных партий, борясь с «запаздыванием» созидательной работы, с «распылением» революции, с угрозой нарастающего стихийного бунта, с насилием во всех сферах жизни и с появлением явных признаков оклократии (отрицания права). 13 июля газета извещала о начавшейся трагедии революции: права ее отнимаются, возможен террор и

диктатура (П. Сорокин. Трагедия революции). Статью от 26 июля Ф. Степун назвал так: «В час смертной тоски»: «Двух мнений быть не может. Россия уже охвачена гибелью. Она с невероятною быстротою несется к катастрофе...» Там же Сорокин: «Есть ли надежда?» Газета сообщает о митинге, организованном группой старых революционеров 3-го августа, на тему «Что делать для спасения родины и революции?» и речи Кропоткина, Брешковской («Россия гибнет ... Россия ждет спасения!»), В. Д. Набокова, Плеханова («Если мы не придем к соглашению, будет гибель всей страны!»). И вновь Сорокин: 23 августа. Больная Россия: «Страна гибнет. В стране царит штиль безразличия. ...всему народу необходимо попытаться спасти себя, страну и революцию... Иначе болезнь приведет к могиле». В сентябре и октябре тема гибели становится главенствующей. 17 сентября Сорокин характеризует возможную «гибель нации» как следствие всероссийского развала.

В статьях Сорокина, в других политических материалах газеты, судьба России отождествляется с судьбой революционной демократии, а уничтожение политических свобод и преобразований с гибелью России. С начала сентября едва ли не основной темой становится большевизм как погубитель революции и ее дополняющей — тема народной стихии как почвы существования большевизма. П. Сорокин пишет несколько выразительных передовых статей (на авторство одной из передовых указал сам Сорокин; это «Слепые соглашатели» в газете от 15 ноября: в конце ее стоит подпись Сорокина. Авторство других определяется по темам, тону, стилю, — схожим с авторскими статьями Сорокина; в отличие от статей Аргунова, строго фактологических, логических, иногда сухо аналитических, статьи Сорокина эмоциональны и обращены не на сам факт, а на его социологический смысл). С риском ошибиться назовем некоторые «сорокинские» передовицы: 7 сентября. Долой большевизм! (Безжалостный рок избрал большевизм орудием гибели России); 8 сентября. Опасный уклон (Русь, по резолюциям политических партий, — страна революционной воли; она же «в своем естестве», в «психологии масс» вступила в полосу «сумбура и неразберихи»); 15 сентября. Проблема власти; 20 сентября. На краю бездны (К итогам Всероссийского Демократического Сопроветования); 13 октября. Ленинцы, черносотенцы и полуленинцы (Положение России ужасно и трагично; истинный трагизм заключен в том, что сознание смертельной опасности, от которой гибнут родина и революция, еще не проникло в умы вожаков революционной демократии. Они стоят около горящей России и среди густого дыма и жарких искр, летящих со всех сторон, все еще неспособные освободиться от фракционной психологии, чтобы, забыв обо всем, приняться самоотверженно и самозабвенно за тушение пожара. «Бедная Россия!»).

В «Заметках социолога» от 5, 17, 18 октября Сорокин разоблачает большевиков, этих «политических банкротов», как

политических деятелей, лишенных чувства родины, ответственности за ее судьбу, верности принципам демократии и простой порядочности. Ему вторит Пришвин. В известных своих «Египетских ночах» (5 октября) он саркастически повествует о приближении большевиков к российскому престолу: на одну египетскую ночь Клеопатра-Россия избрет себе... большевика, но ничего доброго от их брака не родится. В пришвинской рубрике «Земля и власть», в его записях «Из дневника» 10, 12, 15, 22 октября рефреном звучит вопль: «Отечество в опасности, отечество гибнет, отечество, кажется, уже погибло...» Газета перепечатывает октябрьское обращение Керенского к народу: «Отечество в опасности!» 21 октября — сообщение о воззвании В. Л. Бурцева в газете «Общее дело»: «Граждане! Спасайте Россию ... близится гибель России...»

После 25 октября газета прекратила свободное существование, но усилиями участников продолжала конвульсивную жизнь, заняв воинствующую антиленинскую позицию, 25 октября и в последующие дни она повторяет лозунг: «Большевики губят Россию. Все на борьбу против них! Временное правительство должно быть восстановлено! Да здравствует Учредительное Собрание!» Сотрудники газеты начинают предызгнаннические путешествия по тюрьмам; статьи некоторых (в том числе Сорокина) печатаются, хотя сами они в это время находятся в казематах Петропавловской крепости<sup>12</sup>; кратковременно пребывающие на воле агитируют за спасение России от большевизма. Показательны номера газеты от 26, 27, 28 и 29 октября: в них энергично разоблачается и развенчивается новая власть. 26: Редакционная статья — Отпор начался. Е. Сталинский — Черный день. П. Сорокин — Совершенно великое преступление. Н. Чаадаев — Знаменитый дебют. 27: Передовая — Против насилия. А. Аргунов — Россия не с ними. В. Вьюгов — К борьбе. М. Пришвин — Чающие и обещающие (Из дневника). 26 октября. 28: Передовая — Погромщикам. П. Сорокин — Победителям. Н. Чаадаев — Мне стыдно. Е. Сталинский — Палачи. М. Пришвин — Порождение ехидны. В. Вьюгов — Что делать? 29: Передовая — Долой большевиков! П. Сорокин — Во власти преторианцев. В. Вьюгов — Правительство из «Сатирикона». М. Пришвин — Смех обезьян (Из дневника). 28 октября. Е. Евгеньев. Ларчик просто открывался. В этот же день в Литературном приложении — «Слово о гибели земли русской» Ремизова.

Тема борьбы с большевистской диктатурой господствует еще в течение нескольких последующих дней: 30 октября: Вьюгов — Единство демократии и большевики. Е. Евгеньев (В. Е. Евгеньев-Максимов) — Новые держиморды. Н. Чаадаев — Тартюфы революции. 31: Пришвин — Убивец (О Ленине). Ноябрь. 1: Аргунов — Капитуляция или соглашение? Сорокин — Осанна! победителям! 3: Редакционная — Революция умирает. 5: Пришвин — Красный гроб. 7: Передовая — Начало конца. Со-

рокин — Существует ли единая Россия? 11: Чаадаев — Убийство России. 12: Е. Сталинский — Жива ли еще Россия? 15: Передовая, сорокинская — Слепые соглашатели. 28: Сорокин — Трагедия истории (О разгоне Учредительного Собрания). Как видим, сквозная тема гибели-воскресения проходит в газете развитие от утраты первоначального энтузиазма и веры в строительные возможности революции до отчаянной войны с новой деспотией и государственным террором.

Ремизовское «Слово о погибели» как бы целиком вписалось в послеоктябрьские, чисто политические материалы «Воли Народа», хотя таковым оно не было. Справедливо будет сказать, что и других сотрудников газеты события 1917 года волновали не только с точки зрения политики. Более всего это возможно продемонстрировать на примере П. А. Сорокина. В главах документального автобиографического романа «Долгий путь» он характеризует «погибель» России в тех же категориях исторической мысли, как это до него сделал Ремизов: «Город Петра I умирал, и вместе с ним уходила целая эра российской истории, период, который за два столетия превратил Московскую Русь в Российскую империю, добившуюся великих достижений в искусстве, литературе и науках. Теперь все это было в прошлом...»<sup>13</sup> Сорокин-политик октября 1917 года отождествлял большевистский переворот с гибелью России вообще. Сорокин — сын отчины, философ, ученый — думал о воскресении (и снова в духе ремизовского «Слова»). Он повторил слова друга, в то время члена Временного правительства и депутата Учредительного Собрания, Н. Д. Кондратьева, произнесшего их на встрече 1918 года, сказав о полном с ним согласии: «Мы не знаем, кто спасет Россию. Но как бы ни была тяжела сейчас твоя доля, дорогая Россия, ты не погибнешь. Восстанешь из пепла великой страной и великой нацией, самой могучей из всех держав на земле...»<sup>14</sup>

Расставшись с дооктябрьскими иллюзиями о том, что революция должна быть только благом, Сорокин стал одним из самых глубоких исследователей социологии революции. И тогда он обратился к опыту русских писателей — Толстого, особенно Достоевского, и конечно, Ремизова. В русле их идей он считал «роковым заблуждением нашего века» «тоталитарный утопизм всеобщего счастья через насилие».<sup>15</sup> В статье «Заветы Достоевского» (1921) Сорокин так сформулировал для себя его главный завет: решимость «действовать путем деятельной любви»; это означает, — писал Сорокин, — идти путем религии: ибо «без религии не может быть нравственности, а без нравственной идеи — великого народа». И добавлял: «Отцы и учителя, берегите веру народа... Россию спасет Господь. ...Пока есть вера — народ будет жив и сохранит свое лицо. Исчезнет вера — может придти конец».<sup>16</sup> Как видим, это повторение и одной из основных идей «Слова о погибели» Ремизова. В брошюре «Современное состояние России» (1922) Сорокин называл опыт прошедших русских

революций 1917 года громадным и непоправимым. Их главный урок: «Не нужно революций», ибо методы всякой революции — «голое и кровавое насилие», а их итог — «разрушение и регресс». «Вот почему я отныне «почтительнейше возвращаю билет» на вход в царство кровавой революции (и контрреволюции)». «Но не будем падать духом. Возьмем с собой ценности Знания, готовность к Труду и лишениям, напряженную волю к Добру и светлую Надежду... С ними не пропадем... С ними снова выберемся на столбовую дорогу истории. Сие буди и буди».<sup>17</sup>

Если спросить, к кому из современников автор «Слова о погибели» был ближе всех других, то нужно будет назвать немало имен, и в их числе М. Горького (их разделяло отношение к революционному насилию и религии, соединяла боль за судьбу русской культуры), Ал. Блока (Ремизов с сочувствием воспринимал и высоко ценил его влечение слиться со стихией народной революции ценой собственной гибели и, как писал Пришвин обо всех «скифах», его «забегание», «побег вперед от мечан»<sup>18</sup>) и конечно же, М. Пришвин и В. Розанов. С обоими Ремизова роднило, говоря словами Розанова, «необузданное революционерство», пережитое в юности, и пройденный ранний «путь ненависти к правительству, ...к принципам его».<sup>19</sup> Ремизов мог бы сказать о революции как сказал схожий с ним по судьбе его друг Пришвин: «...я душою старше, чем это наше событие: про себя я это уже пережил и помню страшное после того, когда все вокруг идет на меня».<sup>20</sup> Несмотря на то, что они вместе со всей Россией прошли все стадии переживания революции — романтического увлечения, сомнения, разочарования, тяжелых раздумий, отчаяния и надежд, т. п., изначальное восприятие ее у них было скорбное, глубокое, провидческое. Мягкость и деликатность Ремизова не позволяла ему «одергивать» людей, будь то политики «Воли Народа», или любимый им Блок, которые шли тем же горьким путем познания, как прежде Ремизов, но отставали от него по времени. Ремизов не переставал уважать их и деятельно любить.

Консерватор Розанов сотрудничал в охранительном «Новом Времени» и как мог пытался «охранять» безусловные ценности во времена, когда «троны, классы, сословия, труд, богатство» — «все гибнут, все гибнет».<sup>21</sup> Ему открылась мысль о конце исторического христианства, которым почти два тысячелетия держался мир: гибнет сама европейская космогония и на ее месте должно родиться новое мироустройство, в котором выше всего будет поставлена жизнь человека, «богатство, радость и полнота мира», а не «человеческая святость», не «дела духа». В эпоху революции условием воскресения Розанов называет преодоление революционизма, ибо он «есть отчаяние человека о неспособности делать дело, к которому он вовсе не призван...»<sup>22</sup> Ремизов, как и Розанов, оглядывается назад и видит гибель прежней основы — государственности и церкви, но уверен в том, что без опыта и памяти о них, без опоры на традиции дела и

духа нации не создать ни нового порядка, ни новой веры. Так сближаясь «реак» Розанов и «большевик» Ремизов.

Сопоставление «Слова о погибели земли русской» и «Дневника» Пришвина 1917—18 гг. — закономерно и продуктивно. Их параллельное чтение наводит на размышления о типологическом родстве. Пришвин и Ремизов, сотрудники «Воли Народа» выбрали ее местом деятельности полуслучайно. Пришвин — потому что она была лучше, чем какая-либо другая, а не потому что он разделял убеждения правых эсеров. «Одно из сит демократии — „Воля Народа“, в которой я теперь по недоразумению пребываю, — писал он, — исповедует чистую наивную веру в русскую демократию. Это самый невинный орган и чистый от искательства „демонов“». <sup>23</sup> Ремизов пришел в «Волю Народа» и другие эсеровские органы печати более всего потому, что в них сотрудничал Пришвин. Оба они столько же не принимали революции, сколько вынуждены были ее принять, оттого что «сердцем», «нутром» чувствовали и понимали, что Октябрь, большевизм — не причуда с.д., а выражение общенациональной болезни духа, он — дитя народа и революционной интеллигенции (потому большевики пришли к власти, смогли удержаться и приняты народом, несмотря ни на что). А Россия сумеет стать на путь духовного развития, лишь вся переболев нигилизмом, большевизмом, революцией. Оба они хотели верить в то, что после «гибели» наступит «воскресение», много писали об этом, но в тайные минуты признавались себе в том, что реальная возможность воскресения после катаклизма 1917 года была для них проблематичной. «Русский народ! настанет Светлый день!» («Слово о погибели») «...кончается, умирает родина, а с ней же и я весь, ее сын, а я только жду, и смотрю, и не знаю, верю я в погибель или в воскресение. Холодно, официально говорю: „Россия не погибнет“, а не знаю, чем это доказать — почему не погибнет?» <sup>24</sup> Положительных ответов у обоих было немало: потому что у России была история, у русских — вера, потому что было Слово. Но у обоих на глубине появлялось отчаяние, а на дне неверия — вопреки ему — рождалась вера: в каждого отдельного человека («...врата рая открываются и архангел пропускает туда поодиночке...» <sup>25</sup>) и в общую, новую, революцию творческого дела, слова и духа (современная революция — русская, германская — «не революция, это падение, поражение, несчастье, после когда-нибудь придет революция, то есть творчество новой общественно-государственной жизни» <sup>26</sup>).

Ремизовское «Слово о погибели земли русской», задуманное задолго до 1917 года, родилось как следствие исторической потребности в духовной атмосфере газеты «Воля Народа». Оно заняло в ней особое место, выделяясь зрелостью философско-эпической позиции автора, многомерностью художественного «апокалиптического» содержания, отточенностью скорбного, музыкального, пророческого слова.

## Примечания

<sup>1</sup> Пришвин М. М. Дневники. 1914—1917. М., 1991. С. 396—397.

<sup>2</sup> Ремизов А. М. Взвихренная Русь. Лондон. 1990. С. 397.

<sup>3</sup> Исследователи, владеющие данными архивов — А. М. Грачева, И. Ф. Данилова, М. В. Козьменко и З. Г. Минц, называют временем создания «Слова» август—октябрь, а датой его окончания — 5—7 октября 1917 года. Замысел «Слова» возник как следствие переживания Ремизовым «конца» российской истории в связи с Первой русской революцией; первым его вариантом можно считать сочинение следователя Боброва, героя повести «Пятая язва», вышедшей в свет в 1912 году; оно названо автором «плачем над разоренностью земли русской о погибели русского народа». (См. об этом: А. М. Грачева. «Слово о погибели русской земли» и произведения А. М. Ремизова. // Академик В. М. Истрин. Тезисы докладов областных научных чтений, посвященных 125-летию со дня рождения ученого-филолога. 11—12 апреля 1990. Одесса, 1990. С. 97—98).

Датой выхода в свет первой редакции «Слова» следует, по-видимому, считать 29 октября 1917 года и вот почему. 26 октября в газете «Воля Народа» было напечатано объявление о том, что с воскресения 29 октября при газете начнет выходить литературное приложение «Россия в слове» под редакцией М. М. Пришвина, при участии Ремизова, Соколова-Микитова, Шишкова, многих других. К подшивке «Воли Народа», имеющейся в С.-Петербургской Публичной библиотеке, приплетены три номера «России в слове»; все три — без дат, в конце, после экземпляра газеты от 31 декабря. Первым — тот, где напечатаны «Соловьиный сад» и «Слово о погибели»; «Соловьиный сад» с датой «1914—1915», «Слово о погибели» — без даты (утверждение П. П. Ширмакова о дате «24 октября 1918 года», якобы стоящей в газете, — простое недоразумение. См.: Наш современник. 1990. № 10. С. 123). Первый из трех выпусков приложения вышел в свет очевидно, 29 октября, два вторых — в какие-то из последующих воскресений. Правда, В. Н. Орлов в комментарии к «Соловьиному саду» предлагает еще одну дату выхода номера: 28 ноября 1917 года; источник сведений, однако, им не назван. К тому же 28 ноября — не воскресенье, а вторник. Нельзя исключить предположение, что публикация «Слова» 29 октября была реакцией газеты на события 25 октября.

<sup>4</sup> Ремизов А. М. Избранное. СПб.: Лениздат, 1991. С. 551—552.

<sup>5</sup> Ремизов А. М. Огненная мать-пустыня. // Народоправство. 1917. № 10. 25 сент. С. 7.

<sup>6</sup> Ремизов А. М. Выхренная Русь. С. 98.

<sup>7</sup> Иванов-Разумник Р. В. Год революции. Статьи 1917 года. СПб., 1918. С. 64.

<sup>8</sup> Ремизов А. М. Выхренная Русь. С. 255.

<sup>9</sup> Котрянская Наталия. Алексей Ремизов. Париж, 1959. С. 103.

<sup>10</sup> Согомонов А. Ю. Судьбы и пророчества Питирима Сорокина. // Питирим Сорокин. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 24.

<sup>11</sup> Цитирую по: Голосенко И. А. Питирим Александрович Сорокин — человек и ученый // Питирим Александрович Сорокин: Каталог выставки. Л.: БАН, 1989. С. 8.

<sup>12</sup> Сорокин Питирим. Долгий путь. Автобиографический роман. Сыктывкар, 1991. С. 116—117.

<sup>13</sup> Сорокин Питирим. Долгий путь. С. 119.

<sup>14</sup> Сорокин Питирим. Долгий путь. С. 111—112.

<sup>15</sup> См.: Голосенко И. А. Питирим Сорокин — судьба и труды. Сыктывкар, 1991. С. 148.

<sup>16</sup> Сорокин Питирим. Заветы Достоевского. // Артельное дело. 1921. № 1720. С. 7, 5.

<sup>17</sup> Сорокин Питирим. Современное состояние России. Прага, 1922. С. 104—107.

<sup>18</sup> Пришвин М. М. Дневники (15 августа 1917 года). М., 1991. С. 351.

<sup>19</sup> Розанов В. В. Опаившие листья. Короб второй. // Розанов В. В. Сочинения. Л., 1990. С. 391, 406.

<sup>20</sup> Пришвин М. М. Дневник 1918 года. // Литературная учеба. 1991. Кн. четвертая. Июль—август. С. 76.

<sup>21</sup> Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени // Розанов В. В. Сочинения. Л., 1990. С. 467.

<sup>22</sup> Розанов В. В. Там же. С. 493—494.

<sup>23</sup> Пришвин М. М. Дневники (14 октября 1917 года). М., 1991. С. 375.

<sup>24</sup> Пришвин М. М. Дневники (11 июля 1917 года). // Там же. С. 329.

<sup>25</sup> Пришвин М. М. Дневник (7 ноября 1917). // Там же. С. 387.

<sup>26</sup> Пришвин М. М. Дневник 1918 года. // Литературная учеба. 1991. Кн. четвертая. Июль—август. С. 102.